

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖАНР ЮРИДИЧЕСКОГО ТРИллЕРА: ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Литературно-художественный жанр юридического триллера может быть изучен на базе ряда современных лингвистических идей, таких как теория речевых жанров, теория текстодеривации и теория эвокации. Текст юридического триллера рассматривается как сложный речевой жанр, состоящий из определенного набора простых речевых жанров, связанных с судебным разбирательством. Это позволяет поставить вопрос о роли языка текста как фактора, определяющего особенности рассматриваемого жанра.

The genre of a lawsuit thriller can be studied according to contemporary linguistic theories. The theoretical model adopted in the work involves the theory of speech genres, the theory of text derivation and the theory of evocation. In this respect, the main characteristics of a text of a lawsuit thriller as a complex genre of speech can be explained as inherited in the process of evocation of simple genres of speech of a trial. Thus, the specific characteristics of a genre in literature can be considered as those of linguistic nature.

Данная статья посвящена разработке лингвистического обоснования литературно-художественного жанра юридического триллера.

Постановка такой задачи определяется тем, что литературно-художественные жанры постоянно изменяются, где-то сохраняя родовые признаки, они попадают под влияние доминирующих или наиболее популярных жанров, подвергаются инновациям, диктуемым запросами жизни, особенностями материала и таланта писателя, что приводит к созданию видов, не предполагаемых предшествующей литературой. Каждому жанру свойственны специфические приемы художественного воплощения, которые мы считаем возможным рассмотреть на базе современных лингвистических концепций, позволяющих, в свою очередь, по-новому взглянуть на традиционные системы жанров.

Исследование выполняется на материале текста оригинала на английском языке «The Runaway Jury» американского писателя Джона Гришэма (John Grisham) и его перевода на русский язык «Вердикт» в авторстве И. Я. Дорониной и направлено на установление дифференциальных признаков жанра и их языковой реализации в указанных текстах.

Характер исследования может быть определен как теоретико-лингвистический, поскольку сопоставление текстов на английском и русском языках базируется на теоретической модели жанра юридического триллера, используемой для выявления лингвистических особенностей жанровых при-

знаков; в свою очередь, практические результаты исследования призваны свидетельствовать о жизнеспособности избранной модели.

Базой исследования являются следующие положения.

1. Текст любого литературного произведения может быть определен как сложный, вторичный речевой жанр, состоящий из ряда простых, первичных речевых жанров [Бахтин, 2000. С. 249; Федосюк, 1997. С. 107], непосредственно связанных с ситуацией речевого общения и представляющих собой типы высказываний, «характеризующиеся сходным тематическим содержанием, стилем и композиционным построением» [Бахтин, 2000. С. 249]. Принимая точку зрения М. Ю. Федосюка, считающего речевые жанры не типами высказываний, а типами текстов, мы получаем возможность вписать любой текст в контекст литературных жанров. Поскольку литературный жанр есть «исторически понятный тип формосодержательного единства в литературе» [Луков, 2003. С. 12], а тип формосодержательного единства есть не что иное, как тип текстов [Переверзин, 2002. С. 57], то характерные особенности литературного жанра определяют выбор первичных речевых жанров и их комбинаторику в условиях литературной коммуникации. И наоборот, первичные речевые жанры, обслуживающие ту или иную сферу человеческого общения и обладающие специфическими признаками, преломляясь через сознание автора, формируют

текст определенного литературного жанра, выступающий как вторичный речевой жанр.

2. Порождение текстов нового литературно-художественного жанра может быть рассмотрено в деривационном аспекте как образование текстов на базе уже существующих в текстовой совокупности. «Деривация – процесс, направленный на функционально-семантическое преобразование исходной единицы и сознательно ориентированный либо на создание нового знака, либо на выражение новым знаком исходной функции» [Кубрякова, Панкрац, 1982. С. 10]. Наше исследование опирается на модель постепенной деривации поверхностных элементов текста из исходного конструкта – темы [Жолковский, Щеглов, 1996. С. 43], в котором преобразовательные функции выполняются специфическими приемами выразительности и их комбинациями, что позволит нам установить специфику отношений между текстами исходного (-ых) жанра (-ов) и производного жанра юридического триллера.

3. Отношения текстов определенного жанра с миром действительности и миром текстов могут быть описаны на основе теории эвокации. Воспроизведение, или эвокация, представляет собой «специфическую деятельность “человека говорящего”, содержанием которой является целенаправленная, эстетически значимая, творчески протекающая реализация репрезентативной функции языка посредством знаковых последовательностей (текстов) в актах коммуникативной деятельности говорящего (автора) и слушающего (читателя) в коммуникативных ситуациях эстетической деятельности» [Чувакин, 1996. С. 8]. Опираясь на идею А. А. Чувакина о неоднородной эвокации, определим лингвистические особенности эвокационно преобразованных ситуативно-речевых блоков действительности в художественном тексте юридического триллера на английском языке (1-й уровень эвокации) и лингвистические особенности преобразования языковых единств, передающих жанровые признаки юридического триллера при переводе с английского языка на русский язык (2-й уровень эвокации). Подобное сопоставление дает возможность проверить устойчивость приемов передачи жанровых признаков юридического триллера в текстах на английском и русском языках, а также выявить и объяснить некоторые закономерности переводческих трансформаций текста.

Итак, три вышеупомянутых положения служат лингвистическому обоснованию литературно-художественного жанра юридического триллера.

Сформулируем признаки жанра юридического триллера на материале текста романа J. Grisham «The Runaway Jury» на английском языке (языке оригинала).

Жанр триллера относится к авантюрной парадигме, в которую также входят жанры фэнтези, научной фантастики и детектива [Осовский, 2001. С. 14]. Так как жанры фэнтези и научной фантастики отражают действительность, лежащую за гранью реального человеческого бытия, наш интерес сосредоточивается на внутрипарадигматических отношениях детектива и триллера. Сопоставим их определения. *Детектив* – «жанр популярной литературы, описывающий поэтапное расследование и раскрытие преступления и характеризующийся динамичным, напряженным повествованием» [Филюшкина, 1998. С. 14]; *триллер* – «сенсационное, захватывающее произведение с искусно организованным, напряженным сюжетом и стремительным развитием действия» [Николюкин, 2001. С. 1097]. Из данных определений следует, что триллер есть исключительно форма, способная сочетаться с любой тематикой. В том случае, когда форма триллера накладывается на тематику детектива, мы, вероятно, имеем дело с детективным триллером, в котором содержанием является расследование преступления, формой – напряженное и динамическое повествование.

Обратимся к модели вывода текста из исходного конструкта – темы [Жолковский, Щеглов, 1996]. Темой детективного триллера выступает поиск преступника и его преследование. Вывод текста из темы с помощью приемов выразительности допускает конкретизацию, добавление к обрабатываемой теме **X** некоторого приращения **A** [Там же. С. 297]. Если допустить, что приращением может стать судебное преследование преступника, то при выводе текста будет необходимо обращение к новому разделу словаря действительности (куда входят объекты действительности в обычном смысле слова и код, на котором создается текст). Такой действительностью станет судебное разбирательство с инвентарем предметов, персонажей и мест и специфически судебными речевыми жанрами. Можно предположить, что при выводе текста из

темы возможно и упущение некоторой информации А' из обрабатываемого исходного конструкта X. В этом случае основной приоритет может отдаваться судебному преследованию преступника или ответчика и упущением информации о том, как преступление было раскрыто. Тексты, полученные при подобной деривации из общей темы и объединенные сходными приемами выразительности и словарем действительности, относятся к одному жанру, который может быть определен как юридический триллер.

Юридический триллер – жанр, описывающий судебное преследование обвиняемого и характеризующийся динамичным, напряженным повествованием. Жанровыми признаками текстов юридического триллера, как и всех других сложных речевых жанров, являются содержательные, формальные и функциональные признаки [Никонова, 2002. С. 31]. Формальные признаки юридического триллера – динамичность и напряженность, так же как и функциональный признак – развлекательность, выступают общеродовыми парадигматическими признаками авантюрной литературы, а потому они не будут являться дифференциальными. Содержательные же признаки, связанные с преследованием ответчика в суде, – жанрообразующие, задающие выбор специфических приемов выразительности и отсылающие к определенному словарю действительности, общему для автора и читателей текста.

Остановимся подробнее на дифференциальных жанрообразующих признаках юридического триллера.

Как уже отмечалось выше, текст юридического триллера в свете теории М. Ю. Федосюка может рассматриваться как сложный речевой жанр, состоящий из определенного набора простых речевых жанров, непосредственно связанных с судебным разбирательством.

Л. А. Введенская и Л. Г. Павлова [2002. С. 362] называют следующие речевые жанры судебного разбирательства: руководящее напутствие присяжным, обвинительная речь, защитительная речь, судебные прения, вынесение приговора. Исследователи речевых жанров судебного разбирательства [Алимов, 2004. С. 13; Ивакина, 2000. С. 62; Недашковская, 2004. С. 157–159] выделяют следующие их признаки: стандартизированность как наличие большого количества юридических терминов и формул; аргумен-

тированность как логически разворачивающаяся цепочка тезисов и аргументов; оценочность как воспроизведение и оценка мнений участников судебного процесса; экспрессивность как способность влияния на эмоции реципиента. Три из них тесно взаимосвязаны (аргументированность, оценочность и экспрессивность), ибо они отражают основную задачу судебных речей – повлиять на разум и чувства адресатов, представленных судьей, процессуальным противником, истцом и ответчиком, присяжными. Поскольку языковые средства выражения экспрессивности могут применяться одновременно и для аргументации, и для оценки ситуаций и поступков, ряд исследователей [Ивакина, 2000. С. 62; Gelluykens, Pelsmaekers, 1999. С. 205] считают основными признаками судебного дискурса стандартизированность и экспрессивность, в языковом плане характеризующиеся сочетанием стандартных и эмоционально-экспрессивных средств выражения.

Судебное разбирательство как объект эвокации представляет собой языковую коммуникативную коммуникацию на основе связи языкового и ситуативного компонентов, первичные речевые жанры судебного разбирательства выступают как основные формы такой коммуникации, а их признаки сохраняются в тексте юридического триллера как вторичного речевого жанра и определяют специфику его содержания. Это объясняется действием принципа адекватности, устанавливающего соответствие объекта эвокации (судебного разбирательства) продукту эвокации (судебному разбирательству, воспроизведенному посредством языка) [Чувакин, 1996. С. 22].

В рассматриваемом тексте юридического триллера «The Runaway Jury» J. Grisham эти признаки представлены следующим образом.

Стандартизированность как первый из жанрообразующих признаков юридического триллера репрезентирована такими языковыми средствами:

– юридическими терминами:

(1) *He said the **trial** was scheduled to last for several weeks, and that the **jurors** would not be sequestered. There were some specific **statutory excuses from jury duty**. – Суд, объяснил Харкин, вероятно, продолжится несколько недель, **присяжные не будут изолированы. Существуют определенные официальные ограничения для статуса присяжного.***

Приведем наш вариант перевода в подстрочнике, чтобы проиллюстрировать произошедшие трансформации: Он сказал, что судебный процесс запланирован на несколько недель и что присяжные не будут секвестрованы. Есть перечень установленных законом случаев, когда лица имеют право на освобождение от исполнения обязанностей присяжного.

Неверная трактовка юридического термина *statutory excuses* ведет к искажению коммуникативной цели высказывания и бессмысленному выражению «ограничения для статуса присяжного» в тексте перевода;

– именами, обозначающими лицо по признаку, обусловленному его положением либо действиями:

(2) *Gloria Lane, the Circuit Clerk, was momentarily speechless.* – Глория Лейн, **секретарь суда**, тоже онемела от изумления;

– императивными конструкциями:

(3) «*Call your witness, Counselor!*» – *Вызовите вашего следующего свидетеля, адвокат;*

– пассивными конструкциями:

(4) «*Your objection is noted, Mr. Cable.*» – *Ваше возражение отклоняется, мистер Кейбл.*

В приведенных примерах (2)–(4) мы имеем дело с переводом, характеризующимся лексико-семантической эквивалентностью языковых единиц.

Употребление специфической лексики (юридических терминов и имен, обозначающих лицо по признаку) объясняется узкой тематикой, ограниченной рамками судебного разбирательства и требующей предельной точности высказываний, пассивные и повелительные конструкции призваны создавать беспристрастность высказываний.

Жанрообразующий признак экспрессивности представлен в исследуемом нами тексте следующими выразительно-образительными средствами и экспрессивным синтаксисом:

– метафорами, создающими образность текстовых фрагментов:

(5) *He wondered how the greedy sharks would split the money, if they happened to win? How in the world could they ever agree to divide the bloody carcass?* – *Как эти прожорливые акулы будут делить деньги, если им повезет выиграть дело? Да они ни за что на свете не смогут поделить между собой эту чертову тушу.*

Приведем наш вариант перевода в подстрочнике, чтобы проиллюстрировать про-

изошедшую при переводе трансформацию: Ему было интересно, как прожорливые акулы поделят деньги, если выиграют. Как вообще они смогут поделить эту **кровавую тушу**?

Один из адвокатов ответчика сравнивает адвокатов истцы с прожорливыми акулами, почуявшими запах крови. Выигранные же деньги ассоциируются с добычей хищниц, с окровавленной тушей. Переводчик из семантического ряда значений английского прилагательного *bloody* выбрал вариант *чертов* вместо *кровавый*, который разрушает образ;

– повторами, заостряющими внимание на отдельных наиболее значимых фрагментах текста, усиливающими его эмоциональное напряжение: *You tell me why a blind person can't be on a jury. If it's written in the law, then the law is discriminatory, and I'll sue. If it ain't written in the law, and if it's just a matter of practice, then I'll sue even faster.* – *Нет, вы объясните мне, почему слепой не может быть присяжным. Если есть такой закон, то это дискриминационный закон и я подам жалобу. Если такого закона нет, а просто так принято, – тем более.*

Приведем наш вариант перевода в подстрочнике, чтобы проиллюстрировать произошедшую при переводе трансформацию: **Если так написано в законе**, то закон дискриминационный и я **подам в суд**. **Если так не написано в законе**, а просто так принято, то я **подам в суд тем более**.

Опущение одного из повторов («*подам в суд*») снижает эмоциональный заряд высказывания, так как он имел логическую и эмоциональную значимость и выражал негативное отношение к процессуальным нормам.

Поскольку перевод представляет собой эвокационную деятельность по преобразованию текстовой действительности на исходном языке в текст на языке перевода, то субстанциональное преобразование текста неизбежно. Однако трансформации текста могут быть объяснены не только различием языковых кодов, но и различием культур автора текста и переводчика, исходной нормой, на которую ориентируется переводчик и от которой зависит выбор методов перевода. Выбор исходной нормы целиком зависит от переводчика, он своей деятельностью реализует принцип активности, устанавливающий неизбежность преобразований объекта (текста) в процессе эвокационной деятельности (перевода).

Основной функцией художественного текста является эстетическое воздействие на читателя. Успех перевода зависит от правильного выбора способа перевода переводчиком, который при переводе каждого фрагмента текста отталкивается от особенностей языкового выражения жанровых признаков, релевантных для данного фрагмента.

Наше исследование показывает, что произвольная замена способов выражения жанровых признаков юридического триллера, не зависящая от объективных причин, приводит к искажению этих признаков, их сглаживанию в тексте перевода.

Таким образом, базируясь на некоторых идеях современной лингвистики, лежащих в сфере теории речевых жанров, текстодериватологии и теории эвокации, мы лингвистически обосновали в данной статье существенные особенности литературно-художественного жанра юридического триллера. Поскольку исследование текстов юридического триллера «The Runaway Jury» J. Grisham и его перевода как вторичных речевых жанров ориентировано на установление сохранения в них в результате эвокации языковых особенностей первичных речевых жанров судебного разбирательства, то это позволяет, во-первых, поставить вопрос о роли языка текста как фактора, определяющего особенности рассматриваемого в статье литературного жанра, и, во-вторых, подтвердить гипотезу о лингвистической природе любого нового жанра литературы.

Список литературы

- Алимов В. В. Юридический перевод: практический курс. М.: Едиториал УРСС, 2004. 160 с.
- Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Изд-во «Азбука», 2000. 249 с.
- Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Риторика для юристов: Учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2002. 576 с.
- Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст. М.: Изд. группа «Прогресс»: «Универс», 1996. 343 с.
- Ивакина Н. Н. Основы судебного красноречия. М.: Юристь, 2000. С. 384.
- Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г. О типологии процессов деривации // Теоретические аспекты деривации: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Л. Н. Мурзин. Пермь: Изд-во Пермс. гос. ун-та, 1982. С. 7–18.
- Луков В. А. История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней. М.: Academia, 2003. 510 с.
- Недашковская С. И. Оценочное воздействие в судебной речи // Юрислингвистика V: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Т. В. Чернышова. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. С. 156–164.
- Николюкин А. Н. Триллер // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2001.
- Никонова Т. Н. Рассказ-анекдот как художественно-речевая разновидность рассказов В. М. Шукшина: Дис. ... канд. филол. наук: Рукопись. Горно-Алтайск, 2002. 185 с.
- Осовский О. Е. Авантюрное // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2001.
- Переверзин В. М. Жанровые идеи М. Бахтина в контексте типологического изучения классики большого эпоса // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 4. С. 56–69.
- Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопр. языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.
- Флюшкина С. Н. Детектив // Русская словесность. 1998. № 5. С. 13–18.
- Чувакин А. А. Основы эвокационной теории художественной речи: Дис. ... д-ра филол. наук: Рукопись. Барнаул, 1996. 45 с.
- Geluykens R., Pelsmaekers K. Discourse in professional context // www.lincom-europa.com